

Дискуссии

От редакции. В публикуемой дискуссии обсуждаются вопросы актуального состояния источниковедения как метода исторического исследования и как научной дисциплины, а также возможности источниковедения в разрешении наиболее сложных проблем современной исторической культуры.

Научная статья

DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

УДК 930.1

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А н н о т а ц и я . На рубеже XX–XXI веков сложилась ситуация цивилизационного перехода от постмодерна к постпостмодерну, характеризуемая в историческом познании продолжением нарастания фрагментации научного исторического знания на фоне актуализирующегося запроса на глобальную историю и процессом ренарративизации / войны нарративов в социально ориентированном историописании. Новые эпистемологические задачи требуют решения ряда вопросов теории источниковедения и расширения источниковедческих практик. На обсуждение выносятся следующие проблемы: (1) расширение источниковой базы исторических исследований, в первую очередь за счет смягчения доминирования письменных исторических источников и разработки инструментария обращения к визуальным и вещественным историческим источникам; (2) роль источниковедения в преодолении фрагментации исторического знания; (3) возможность сотрудничества источниковедческой парадигмы исторической науки и нарративной логики социально ориентированной истории. Проблемы сформулированы и охарактеризованы на основе неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей к наследию русской версии неокантианства (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский) и ориентированной на строгое научное знание. Разработанный в рамках этой парадигмы О. М. Медушевской концепт «эмпирическая реальность исторического мира» предлагается в качестве инструментария решения некоторых актуальных проблем исторического познания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая культура, источниковедение, неоклассическая феноменологическая источниковедческая парадигма исторического познания, исторический источник, источниковедение историографии, фрагментация, ренарративизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Румянцова М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В начале XX века русский историк-методолог А. С. Лаппо-Данилевский писал:

«Без обращения к историческим источникам человек во многих случаях не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может участвовать в полноте культурной жизни человечества» [3: т. 2, 392].

На рубеже XX–XXI веков начался выход из ситуации постмодерна. Процессы идут столь

динамично, что радикально новая социокультурная ситуация не успевает получить собственное оригинальное название и чаще именуется постпостмодерном. Движение от постмодерна к постпостмодерну – это движение от информационного общества к манипуляционному и от глобализации к глокализации. В сфере исторического знания эти тенденции оформились к концу первого десятилетия XXI века в новую историческую культуру. Если кризис доверия к историческому метанарративу – маркер постмодерна в историческом познании [4: 10–11], то ведущей тенденцией новой исторической культуры

стал процесс ренарративизации. Именно он обеспечивает, с одной стороны, формирование идентичности локальных сообществ разного масштаба и уровня в процессе глокализации, а с другой стороны, именно нарратив, его идентифицирующая функция являются инструментом манипуляции социумами на глубинном уровне. Ведущая характеристика новой ситуации – борьба / война нарративов, что еще раз доказывает, что история – наука стратегическая. И, на мой взгляд, понимание этой ее функции характеризует в первую очередь профессионализм историка в актуальной социокультурной и геополитической ситуации.

Нарратив принадлежит социально ориентированному историописанию. В сфере же научного исторического знания происходит актуализация неоклассической модели науки, что отмечает, в частности, А. В. Лубский (1947–2020) [6: 256–339]. Будучи согласна с Лубским в части актуализации неоклассической модели науки, отмечу, что, на мой взгляд, сама эта модель формируется при выходе из методологического кризиса рубежа XIX–XX веков, параллельно с неклассической моделью науки, – и это принципиально важно при анализе источниковедческой парадигмы исторического познания. К неоклассической модели стоит отнести феноменологию Э. Гуссерля (1859–1938), а в качестве реперной точки формирования неоклассической модели я рассматриваю его программную статью «Философия как строгая наука»¹ (1911). В российской исторической науке в это время мы видим – в контексте русской версии неокантианства – возникновение феноменологической концепции источниковедения, имеющей тенденцию движения именно к неоклассической модели научного познания.

Формирование новой исторической культуры в контексте постпостмодерна и актуализация неоклассической модели науки – именно эти факторы заставляют вынести на обсуждение некоторые вопросы состояния источниковедения в 2020-х годах и, главное, его роли в современной науке и социальных практиках.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Не могу не отметить, что не только у студентов, но и у части коллег замечаю убежденность в том, что советская историческая наука (а российская историческая наука на протяжении большей части XX века – это наука советская) отличается от «западной» своей особой идеологизированностью... Ввиду бесполезно-

сти убеждать сторонников этой позиции в том, что презентизм / американский релятивизм (С. L. Becker, 1873–1945; Ch. A. Beard, 1874–1948) – отнюдь не советские явления, да и Бенедетто Кроче (1866–1952; автор афоризма: «История – современная мысль о прошлом») – явно не российский мыслитель, останавливаться на этом не буду. Но подчеркну, что радикальное отличие российской исторической науки было и сохраняется на протяжении всего ее развития: это особое внимание к объекту исторического познания / историческому источнику. Концептуально оно было зафиксировано еще во время методологического кризиса рубежа XIX–XX веков: в то время как Баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд, 1848–1915; Г. Риккерт, 1863–1936) принципиально отказалась рассуждать об объекте исторического познания и сосредоточилась исключительно на его логике, русские неокантианцы создали целостную концепцию объекта исторического познания (Александр Иванович Введенский, 1856–1925) / теорию источниковедения (Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, 1863–1919) (подробнее см.: [11]).

Представленные ниже базовые определения и предложенные для дискуссии проблемы основываются на феноменологической концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства. Эта концепция на протяжении XX – начала XXI века развивалась Научно-педагогической школой источниковедения, преемственность которой с русским неокантианством обеспечили в первую очередь ученик А. С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) и далее – ученица Андреева Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007), работы которой вывели концепцию на новый уровень – уровень научного направления / парадигмы когнитивной истории [8].

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

*Историческая культура*² –

«понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным <...> Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» [12: 165].

Рискну предложить свой вариант определения исторической культуры – более простой и к тому же когерентный одной из важных составляющих источниковедения – источниковедению историографии: историческая культура –

система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников.

Источниковедение –

«гуманитарная дисциплина, объект которой – исторические источники, вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (эмпирическая реальность исторического мира, О. М. Медушевская), а предмет – исторический источник как культурный феномен и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей» [12: 206].

Это определение необходимо дополнить и подчеркнуть, что дисциплинарный статус источниковедения на протяжении XX – начала XXI века трансформируется от *составляющей методологии исторического познания* – к *дисциплине (субдисциплине) исторической науки*³ – и к *научному направлению*⁴, сохраняя на каждом этапе развития и прежние свои ипостаси. Этой трансформации соответствует изменение объекта источниковедения: *исторический источник – система видов исторических источников – эмпирическая реальность исторического мира* (понятие, введенное О. М. Медушевской, 1922–2007) [8], [9] (подробнее см.: [10]).

Источниковедческая парадигма исторического познания / феноменологическая парадигма истории как строгой науки – базовая теория исторического познания, исходящая из принципа единства и имманентной структурированности глобального объекта истории – эмпирической реальности исторического мира.

О. М. Медушевская, разрабатывая концепцию когнитивной истории, подчеркивала:

«Наука не привносит извне или из идей познающего субъекта системности в первозданный хаос <...> феноменологический подход исходит из того, что в мире существует системность, взаимосвязанность, которую исследователь как раз и стремится открыть» [8: 14].

И такую возможность предоставляет макро-объект исторической науки – эмпирическая реальность исторического мира.

«В качестве общего положения можно говорить о том, что совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности. Интеллектуальные продукты, создаваемые людьми, структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены. Они имеют системное качество и, следовательно, спо-

собны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение» [8: 258].

Исторический источник –

«объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих» [12: 205].

Источниковедение историографии –

«предметное поле⁵ актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» [12: 209].

Исторический источник и источниковедение историографии – скорее термины, чем понятия, причем источниковедение историографии очевидным образом подчинено понятию источниковедения, но я сочла нужным привести его определение наряду с базовыми понятиями ввиду особой роли источниковедения историографии в рефлексии по поводу современной исторической культуры.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Предлагаю для обсуждения три проблемы: одна – из области собственно источниковедения, вторая – о соотношении источниковедческой парадигмы и современного научного исторического знания и, наконец, третья, и главная, – о возможности соотношения источниковедческой парадигмы и нарративов, множащихся в процессе ренарративизации, точнее – о возможности соотношения нарратива и репрезентации истории на основе источниковедения.

Эти проблемы формируются в разное время и, соответственно, в разных исторических культурах: первая – на рубеже XX–XXI веков в связи с визуальным и вещественным поворотами в социальном познании, вторая нарастает на протяжении всего XX века в связи с усиливающейся фрагментацией исторического знания и, соответственно, утратой возможности когерентной истории, и только третья, как уже было отмечено выше, маркирует актуальную историческую культуру – историческую культуру постпостмодерна, складывающуюся к концу первого десятилетия XXI века.

Проблема 1. Расширение источниковой базы исторических исследований / выход за пределы письменных исторических источников

Еще в конце XIX века Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) заявили, что история пишется по документам:

«История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <...> Всякая же мысль, и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда не существовал <...> Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»⁶.

Очевидно, что Ланглуа и Сеньобос – в теоретическом плане – имели в виду не только письменные источники. Но все равно их позиция была подвергнута решительной критике со стороны одного из основоположников Школы «Анналов» Л. Февра (1878–1956), который отметил, что популярная формула Ланглуа – Сеньобоса

«предполагала тесную связь между историей и письменностью – и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованием доисторического периода <...> старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории...»⁷.

Не буду даже пытаться разрешить их спор, акцентирую внимание только на двух аспектах. Во-первых, усилию позицию Ланглуа – Сеньобоса: история пишется не просто по «документам», но почти исключительно – по письменным источникам. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть ссылки и списки источников любой публикации научного исторического исследования. Соответственно, «связь между историей и письменностью» есть и ее довольно-таки легко эксплицировать. Во-вторых, обращаю внимание, что Февр апеллирует к первобытному обществу, то есть обществу неисторического типа.

Насколько необходимо расширять источниковую базу за счет изобразительных (визуальный поворот) и вещественных (вещный поворот) источников? Скорее всего, ответ положительный, – трудно, да и незачем, отказываться от расширения источниковой базы. Но почему же историки не делали этого раньше? И почему теперь настало время визуальных и вещественных исторических источников? Обрисую свое видение этого вопроса, по необходимости за пределами кратко⁸. История изучает культуры исторические / с историческим типом социальной памяти (подробнее см.: [5]), что вполне логично. Культуры с традиционным типом социальной памяти изучает этнография – другая наука, обладающая своими собственными методами. Ситуация постмодерна (последняя треть XX века) – ситуация «конца истории». Как бы ни критиковали Френ-

сиса Фукуяму (р. 1952) за его знаковую статью 1989 года [13], на мой взгляд, он зафиксировал очень важный исторический момент – конец того исторического типа культуры, который был свойственен «духовной Европе» (понятие Э. Гуссерля), а с геополитической точки зрения – конец европоцентричного мира (вернее – начало конца). Новый мир, сменяющий мир европоцентричный, характеризуется «столкновением цивилизаций» (концепция С. Хантингтона, сформированная во многом в противостоянии с европоцентричной концепцией Ф. Фукуямы) [14]. Но вполне очевидно, что разумное участие в «столкновении цивилизаций» требует от историков адекватной рефлексии иной культуры, понимание которой сильно затруднено, а иногда и просто невозможно на основании только письменных источников. Формат статьи не предполагает возможности рассуждать о соотношении письменных источников и источников визуальных и вещественных, о различиях их функций в историческом познании, но на интуитивном уровне, полагаю, это различие очевидно.

Кроме вполне понятной инерции на пути обращения историков к визуальным и вещественным историческим источникам, существует и проблема археографии – введения этих источников в научный оборот, их публикации. Особенно сложна она для вещественных источников, хотя музейщиками и накоплен обширный опыт таких публикаций в формате каталогов. В 2012 году Научно-педагогической школой источниковедения было инициировано проведение совместно с работниками музеев конференции «Археология музейного предмета» [1]. Конференция была весьма представительной, но вынуждена констатировать, что решить проблему, даже приблизиться к ее решению, нам так и не удалось. Вероятно, здесь можно и нужно обратиться к опыту музейщиков, которые начиная с 1990-х годов (если речь идет о России) перешли от иллюстрации метанарратива к созданию самостоятельных репрезентаций истории. Но этот опыт, увы, не связан с публикацией вещественных источников, то есть не позволяет открыть доступ к ним для широкого круга исследователей.

Проблема 2. Поможет ли источниковедение преодолеть фрагментацию исторического знания?

Очевидно, что фрагментация, под которой понимается формирование новых дисциплин (субдисциплин) и направлений исторической науки,

нарастает на протяжении всего XX века, причем не только за счет формирования все новых субдисциплин исторического знания, но и за счет усложнения его вертикальной / иерархической структуры (формирование новых предметных полей и направлений). Прежде чем отвечать на вопрос, чем может помочь источниковедение в преодолении фрагментации, стоит ответить на два других вопроса: можно ли в принципе преодолеть фрагментацию и – главное – надо ли ее преодолевать? Здесь я разделяю позицию А. Мегилла (р. 1947):

«Вера в то, что синтез – это достоинство, а фрагментация – недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков. <...> Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию. <...> Я не нахожу никаких оправданий <...> тому, чтобы воспринимать “фрагментацию” как термин осуждающий, а “синтез” как восхваляющий» [7: 256–257].

Но невозможно не понимать, что фрагментация ведет к невозможности когерентной истории (эту проблему также рассматривает Мегилл [7: 269–270]), что только усугубляет войну нарративов.

Источниковедческая парадигма исторического познания, на мой взгляд, дает возможность когерентной репрезентации истории на основе своего базового понятия *эмпирическая реальность исторического мира*, которая обладает имманентным единством. Кроме того, предложенный внутри этой концепции метод сравнительного источниковедения⁹ дает соответствующий инструментарий.

Проблема 3. Источниковедческая парадигма и нарративная логика социально ориентированной истории: возможно ли сотрудничество?

Уже не раз, в разных контекстах, приводила размышления О. М. Медушевской об актуальном состоянии исторической культуры (отметим, что работа над книгой [8] была завершена автором в 2007 году, когда анализируемые тенденции только намечались). Медушевская пишет «о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм»: парадигмы нарративной логики и парадигмы истории как строгой науки [8: 15–16]. Выскажу еще раз некоторое не-

согласие с позицией Ольги Михайловны: в ситуации ренарративизации речь идет не о противоборстве, а о параллельном существовании исторической науки и социально ориентированного историописания, в крайнем случае – о противостоянии, соответственно, эти «парадигмы» можно рассматривать не только как взаимоисключающие, но и как взаимодополняющие.

Вот уже примерно полвека никто всерьез не оспаривает утверждения, что нарратив неверифицируем, а это значит, что критиковать его с позиции другого нарратива (а это и есть ситуация борьбы / войны нарративов) контрпродуктивно. Естественно, что любой нарратив выражает историческую культуру своего времени и, соответственно, являясь историографическим источником, может быть деконструирован «извне», методом источниковедения историографии. На мой взгляд, этот подход не является дискуссионным.

Но возможно ли «сотрудничество» источниковедческой парадигмы и нарратива? Скорее всего, движения навстречу со стороны нарратива ожидать не приходится – у него другое целеполагание, которое, вероятно, часто можно выразить словами Ф. Ницше, написанными еще в 1873 году при характеристике одного из типов историописания – критической истории:

«Это как бы попытка создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому, от которого мы действительно происходим»¹⁰.

Но, как было замечено выше, источниковедческая парадигма способна предложить свою репрезентацию истории на строгой эмпирической основе (кстати, включающей в перспективе и визуальные, и вещественные источники), что, возможно, даст дополнительный критерий для оценки тех или иных нарративов. Но, на мой взгляд, этот вопрос наиболее спорный.

* * *

Естественно, предлагаемые для обсуждения вопросы не исключают (1) обсуждения / критики (во всех смыслах) самой феноменологической концепции источниковедения как в целом, так и в отдельных ее аспектах и (2) явно не исчерпывают всех возможных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. С. 101–126.

² Дабы не умножать сущности без необходимости, воспользуюсь некоторыми определениями терминологического словаря, подготовленного Институтом всеобщей истории РАН [12], хотя и внесу отдельные уточнения. Авторство статей, за исключением «Историческая культура», принадлежит Научно-педагогической школе источниковедения.

- ³ Дисциплина исторической науки – исторически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования [12: 93].
- ⁴ Научное направление – область научного исторического знания, предполагающая особый ракурс рассмотрения исторической реальности [12: 311].
- ⁵ Предметное поле исторической науки – составляющая структуры современного научного исторического знания <...> формируются в исторической науке при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки, начиная с антропологического и особенно – лингвистического поворотов [12: 390–391].
- ⁶ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М.: ГПИБ России, 2004. С. 49.
- ⁷ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 11.
- ⁸ Могу теоретически фундировать свою позицию при возникновении такой необходимости в ходе дискуссии.
- ⁹ Компаративное источниковедение – метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения о том, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной активности человека, совокупность которых составляет историю общества [12: 226].
- ¹⁰ Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2014. Т. 1, ч. 2. С. 109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археография музейного предмета: Материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 16–17 марта 2012 г. / Отв. ред. Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2012. 201 с.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры: русское издание. М.: Мусaget, 1911. Кн. 1. С. 1–56.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. 159 с.
5. Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 344–356.
6. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 351 с.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
8. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
9. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 24–34.
10. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 44–51.
11. Румянцева М. Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитар. науки. 2012. Т. 154, кн. 1. С. 130–141.
12. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Поступила в редакцию 28.10.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Marina F. Rumyantseva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

SOURCE STUDIES IN THE STRUCTURE OF CURRENT HISTORICAL CULTURE: INVITATION TO DISCUSSION

Abstract. At the turn of the XXI century, there emerged a situation of civilizational transition from postmodern to post-postmodern, characterized in historical knowledge by the continued increase in fragmentation of scientific historical knowledge amid the actualizing demand for global history and the process of renarrativization / the war of narratives in socially-oriented historiography. New epistemological problems require solutions for a number of issues

in the theory of source studies and the expansion of source studies practices. The following issues are submitted for discussion: (1) expanding the source base for historical research, primarily by mitigating the dominance of written historical sources and developing tools for accessing visual and material historical sources; (2) the role of source studies in overcoming the fragmentation of historical knowledge; (3) the possibility of cooperation between the source study paradigm of historical science and the narrative logic of socially-oriented history. The problems are formulated and characterized on the basis of the neoclassical phenomenological concept of source studies, continuing the legacy of the Russian version of neo-Kantianism (A. I. Vvedensky, A. S. Lappo-Danilevsky) and focusing on precise scientific knowledge. The concept of the “empirical reality of the historical world” developed by O. M. Medushevskaya within this paradigm is proposed as a tool for solving some topical problems of historical cognition.

Key words: historical culture, source studies, neoclassical phenomenological source study paradigm of historical knowledge, historical source, source studies of historiography, fragmentation, renarrativization

For citation: Rummyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

REFERENCES

1. Archaeography of museum objects: Proceedings of the international research conference, Moscow, March 16–17, 2012. (D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov, M. F. Rummyantseva, Eds.). Moscow, 2012. 201 p. (In Russ.)
2. Husserl, E. Philosophy as rigorous science. *Logos: international yearbook on the philosophy of culture: Russian edition*. Moscow, 1911. Book 1. P. 1–56. (In Russ.)
3. Lappo-Danilevsky, A. S. Methodology of history: [In 2 vols.]. Moscow, 2010. Vols. 1–2. (In Russ.)
4. Lyotard, J.-F. The postmodern condition. Moscow; St. Petersburg, 1998. 159 p. (In Russ.)
5. Lotman, Yu. M. Alternative variant: non-writing culture or culture before culture? *Lotman, Yu. M. Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere*. Moscow, 1996. P. 344–356. (In Russ.)
6. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
7. Megill, A. Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
8. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
9. Medushevskaya, O. M. The empirical reality of the historical world. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Proceedings of the XX international research conference. Moscow, January 31 – February 2, 2008: In 2 parts*. Moscow, 2008. Part 1. P. 24–34. (In Russ.)
10. Rummyantseva, M. F. The source study in the structure of historical knowledge: the neoclassical model of science. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;5(166):44–51. (In Russ.)
11. Rummyantseva, M. F. Russian version of neo-Kantianism: formulation of the problem. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2012;154(1):130–141. (In Russ.)
12. Theory and methodology of historical science: Terminological dictionary. (A. O. Chubaryan, L. P. Repina, Eds.). Moscow, 2016. 543 p. (In Russ.)
13. Fukuyama, F. The end of history? *Topics in the Study of Philosophy*. 1990;3:134–148. (In Russ.)
14. Huntington, S. The clash of civilizations. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.)

Received: 28 October, 2022; accepted: 10 January, 2023

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ХОРУЖЕНКО

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН (Москва, Российская
Федерация)
khoruzhenko1@yandex.ru

РЕПЛИКА В ДИСКУССИИ

Участие в предлагаемой М. Ф. Румянцевой дискуссии предполагало бы для меня переход на позиции «адвоката дьявола» – мы принадлежим к одной Школе, а в вопросах теории источниковедения она воспринимается мною как гуру. Но ряд положений, выносимых на дискуссию, и их формулировки, действительно, вызывают реакцию, далекую от безоговорочного согласия.

Здесь констатируются динамичные и масштабные процессы в сфере исторического знания рубежа XX – 20-х годов XXI века: выход из ситуации постмодерна, движение к манипуляционному обществу, к глокализации и т. д. Возникает первый вопрос – на какой совокупности историографических источников построены эти наблюдения? Судя по упоминаемым и цитируемым работам, основания для таких

выводов дают суждения авторов, посвятивших себя теории исторического знания, феноменологии, эпистемологии, одним словом – теоретиков. Всецело доверяю выводам М. Ф. Румянцевой в отношении этого корпуса историографических источников. Но правомерно ли распространить их на работы указанного периода за пределами данного корпуса?

Из этого проистекают два следующих взаимосвязанных вопроса:

- заметны ли с такой теоретической высоты наблюдаемые в указанный период расширение источниковой базы, совершенствование инструментария источниковедческих исследований, введение в научный оборот новых исторических источников и их совокупностей?
- отметили ли сами исследователи-источниковеды, что на рубеже веков они оказались в ситуации постпостмодерна, и повлияло ли это как-то на их работу?

По собственному опыту могу сказать, что исследование рукописей требует предельной концентрации внимания. Просто иной раз нет возможности оглядеться по сторонам и понять – пришли к нам, наконец, постпостмодерн и глокализация или они еще впереди?

Вслед за М. Ф. Румянцевой не могу согласиться с диагнозом «особой идеологизированности», поставленным советской исторической науке некоторыми коллегами. Он представляется столь же точным, как пресловутая «общая температура по больнице» – тут вновь встает вопрос о той совокупности историографических источников, которая допускает такое обобщение. Да, если считать «Краткий курс истории ВКП(б)» или работы М. Н. Покровского наукой, то этот вывод справедлив. Но для большинства историков, как представляется, обязательное цитирование «классиков марксизма-ленинизма» и шельмование «буржуазных историков» были лишь обременяющим научно-исследовательскую работу ритуалом и пропуском их трудов в печать. Уже отмечалось, что «уход» в источниковедение был для многих исследователей способом если не избежать, то минимизировать идеологизацию своих работ. И как раз среди таких исследователей-источниковедов XX века – имена ученых, определивших высокий научный уровень источниковедения советского периода.

Определение «фрагментации исторического знания» как процесса формирования новых дисциплин в равной степени неожиданно и непонятно. Нельзя отрицать, что историческое знание фрагментированно. Скажем, архив великого кня-

жества Рязанского до нас не дошел. Это приводит к тому, что средневековая история этого государственного образования фрагментированна. Постепенно, путем скрупулезных и тонких исследований лакуны в историческом знании заполняют такие дисциплины исторической науки, как дипломатика, летописеведение, сфрагистика, нумизматика и т. д. Таким образом, исторические дисциплины, как новые, так и традиционные, вовсе не «фрагментируют», а напротив, «дефрагментируют» историческое знание, приводят его к «когерентности». Впрочем, предлагаемая А. Мегиллом антитеза «синтез – фрагментация», вместо привычной «синтез – анализ», подсказывает, что это понятие имеет для автора некий иной, «постпостмодернистский», смысл, отличный от классического.

Несогласие с позицией О. М. Медушевской выглядит несколько искусственным: *параллельное существование* (М. Ф. Румянцева) парадигмы нарративной логики и парадигмы истории как строгой науки вовсе не исключает их *противоборства и взаимоисключения* (О. М. Медушевская). Напротив, противоборство, о котором писала Медушевская, возможно как раз при параллельном, синхронном существовании парадигм – как можно противостоять тому, что уже кануло в прошлое или еще не наступило?

Под «социально ориентированной историей (историописанием)» следует, вероятно, понимать, пропаганду в тех или иных формах («научпоп», историческая журналистика, эссеистика и т. п.), когда она обращается к национальным мифам или формирует их. Вопрос спорный – считать ли эти нарративы историографическим источником и, соответственно, продуктивно ли их изучение методами историографии? Все-таки историография изучает историческую науку. Нарративы, не имеющие признаков научности, вероятно, не являются ее объектом.

По аналогии с «культурами с традиционным типом социальной памяти», изучение которых М. Ф. Румянцева справедливо поручает этнографии, «социально ориентированная история» должна быть объектом исследования смежных гуманитарных наук – политологии, социологии и т. д. Вероятно, сюда же следует отнести и социальные практики, обращенные к прошлому или мифологизированным представлениям о нем, ставшие массовыми именно в указанный период движения исторических реконструкторов (включая сюда уже институализированное казачество, «возрожденные» техники рукопашного боя), поисковиков, родноверов и т. д.